

Сергей КУЛАКОВ

Родился в 1964 году в Архангельске. Поэт, прозаик, драматург, переводчик. Публиковался в журналах «Нижний Новгород», «Сибирские огни», «Студия» (Германия), «Союз писателей» (Харьков), «Урал», «Журнал Поэтов», «Волга» и других, в американской, немецкой и украинской периодике. Живет в Ялте.

ГОЛОС

Опять слышу эти речи, эти слова... Но разве прерывались они хоть на миг? Никого нет. Они звучат в моих утомленных ушах давно, слишком давно. Не помню когда... Начала не помню. Было ли начало? Не знаю, не знаю, но голос звучит. Ещё раз. Никого нет. Пусто. Не то чтобы совсем пусто: море распласталось впереди, пляж – вокруг, горы, поросшие густым лесом, далеко-далеко позади. Вот только того, кто бы мог говорить, здесь нет. Однако чью-то речь, я слышу. Стало быть – кто-то говорит? Кто говорит эти слова, фразы, кто ведет эти речи? Может, я? Нет, не я. Губы мои сомкнуты, язык – этот мягкий, этот упругий (когда надо) орган – сонно покоится во влажном своем ложе. Он дремлет, он нем, он безмолвен. Но кто-то говорит, кто-то говорит. Я слышу речи, наполненные странным смыслом, они льются тихим горным ручейком прямо мне в уши. Они наполнены смыслом? В них есть хоть какой-то смысл? А есть смысл в воде, сбегаящей с горных уступов, спешащей куда-то вниз? Вниз, вниз, к кромке соленого моря, раскинувшегося до самого горизонта, откуда волны не торопясь возвращаются назад к берегу, к моим ногам, и словно младенцы что-то там мямлят, пуская пузыри, пену. Чем не речь? Впрочем, неправильно считать, будто голос исходит от моря. Море умеет издавать звуки, но говорить – вряд ли, это было бы чересчур. Звучит загадочный голос негромко. Я не умею определить его тембр, интонации, не могу понять: имеет он какие-либо дисфазии или же он безупречен, примешался к нему какой-нибудь акцент, есть ли вообще у него хоть какие-то особенности (правда, я никогда сносно в этой области не разбирался). Но слова я слышу отчетливо, точно чьи-то таинственные губы шепчут мне их на ухо. Тихо-тихо, почти беззвучно, но я слышу. Слышу их так же, как шум набегающих волн: «тшшш... тшшш... тшшш...», и как они усиливаются вдруг, неведомо от чего, как всплескивают о прибрежные камни: «псц, псц...», а потом вновь стихают и ласково шипят на мелкую гальку бере-

га и перебирают её. Точь-в-точь камушки в калейдоскопе. В калейдоскопе все происходит тише, гораздо тише. Я не только слышу эти речи, я их запоминаю. Ну, не все, не все – это было бы несносно. Не знаю, почему так происходит, но кое-что врезается в мою память, остается там. Затем я переношу эти остатки на бумагу – тогда и освобождаю свою память, мою голову. Мою голову, мою голову... Кажется, он идет оттуда. Возможно. Там, в голове, чего только не происходит, чего только не случается. Разные истории, разные происшествия, разные встречи... На вид голова неказиста, мала и туда не поместиться ничему существенному. На самом деле, туда можно уложить даже более, чем помещается в цилиндр фокусника, в его бездонный саквояж. Не удивлюсь, если сказанное окажется бессовестным обманом, циничным надувательством и, в конце концов, будет выдвинуто совершенно иное предположение, которое полностью опровергнет версию о нахождении голоса внутри моей головы. Смею предположить: новая версия будет близка старой, только несколько по-иному выставленные акценты укажут куда более смелые направления поисков места обитания загадочного голоса. Например? Он обосновался за моей головой. Там слишком обширное пространство, которое мы привыкли обозначать как «позади». Необходимо уточнить: позади головы справа, или позади головы слева, или – прямо за ней. Нельзя исключать и области «позади, над головой». Впрочем, там пространство тоже довольно внушительно; можно разбить и его на три сектора, о которых упоминалось чуть ранее. В теории, пожалуй, – довольно удобно и не выглядит сколько-нибудь сложным. Вот на деле всё обстоит иначе. Теория рассыпается, едва начинаешь эмпирически применять её к действительности: оглядываться бесполезно – пробовал неоднократно – там ничего разглядеть нельзя. Но я слышу, отчетливо слышу, как час тому назад, так и теперь; думаю, буду слышать потом и ещё долго, долго... Слышу его здесь, на суше, расположившись у самого края воды – ласкового, тихого прибойя, подталкивающего катящиеся к берегу волны, но я слышал докучливый голос и купаясь, погружая голову в теплую, чудесную воду древнего моря. Рядом – казалось, можно протянуть руку и ухватить их – весело кружились длинные, похожие на светлые спицы, тонкие лучи света, конусом уходившие вглубь зеленоватой воды к донному камню, обросшему коричневыми водорослями. Камень напоминал о другом, у берега, и голос шептал о нем, о большом валуне, о большом, плоском и гладком валуне у самого берега. Он такой гладкий от неустанной работы моря, на нем нет ни одной острой линии, лишь округлые, как бы обжатые огромной, сильной рукой. Думаете, мало у него речей о подобных камнях? Вообще, о каких-бы то ни было камнях, валунах, глыбах?.. Да их преогромное количество, не говоря уже о банальной каменной мелюзге, вроде округлой, обточенной десятилетиями мелкой гальке, которая сейчас вжимается моим вытянутым, влажным телом, заломленными руками, поддерживающими круглую (нет, скорее овальную) голову. Поддерживать её излишне – никуда она не укатится, а руки подкладываются исключительно для удобно-вытянутого лежания всего остального тела. Голова, как говорится, не идет в расчеты. Отчего нужно исключить голову? Тогда уместно повторить вопрос: может ли он обосноваться в ней? О, там есть где поместиться, укрыться, спрятаться, но только не этому пронырливому голосу. Откуда я знаю? Я не в силах различить его тембр, его интонаций. Кажется, прежде уже упоминал об этом. Я о многих вещах упоминал. Да, ведь тембра своего голоса, свои

интонации (когда раскрываю уста, и начинаю двигать набирающим упругость языком) я не могу различить. Но я не размыкаю губ, а язык мой не начинает плыть точно рыба, как маленький, юркий дельфин, двигая упругим своим хвостиком то вверх, то вниз. Рот мой безмолвен. Голос же звучит и звучит. Опять, снова, ещё и ещё я слышу его, он говорит о многих вещах. Он принадлежит старику или человеку средних лет? Не знаю, не знаю, но не ребенку и, пожалуй, не старику, но разве я могу утверждать, будто бы он принадлежит человеку? Ну, наверное, да, хоть и нельзя исключить, что это хитрая уловка, цель которой одурачить меня, обвести вокруг пальца, сбить с толку, заставить свернуть с правильного пути, значит, я на правильном пути? нет ли здесь ошибки, очень серьезной ошибки? посмотрим, посмотрим, все может случиться, произойти, а пока я ловлю его здесь, там, по крохам, не совсем уж и по крохам, отчетливо, не очень ясно, вовсе не ловлю его, он сам (нагло, бесцеремонно) лезет в уши, повсюду следует за мной, преследует меня, нет, не преследует – сопровождает, или я плетусь за ним по пятам, во все не желая того? да-да, хотелось, очень хотелось бы увидеть его обладателя, интересно, каков он, как выглядит, почему говорит мне все эти вещи, есть ли у него какой-нибудь план, или болтает он, что вздумается, что приходит на ум, хитрый, изворотливый ум, который всегда скрывает планы, любопытно, какие у него планы? Остро охватило желание: взглянуть на обладателя голоса, нет между нами никаких преград, даже тумана, даже дыма, воздух чист, но я не могу различить никого, никого, ни в плаще, ни в мантии, никого, он остается незрим, ничем не выдает себя, никак не обнаруживает себя, продолжает, продолжает говорить инкогнито, хоть бы как-нибудь назвался, желание нестерпимо гложет, кажется, оно давно уже овладело мной, пусть бы уж соврал, пускай врет, не беда, если маркировка окажется ложной, всё – ложь, вранье, плод нездорового воображения, испорченной фантазии, всё – лишь бредни, мои бредни, всё дело во мне, нет, не совсем, пожалуй, всё дело в моей голове, в моей голове? Опять голова – неспроста, неспроста, может, голова ни при чем, может, слух играет со мной, обманчивый слух, уловляющий тонкие колебания воздуха, заполнившего пространство, слух, который тревожат звуки, подобно спешащему семени, как ласка, я начинаю через слух, но рот мой заперт (порой кажется – его вовсе нет), семя, не оформившись в плод, вынуждено спускаться ниже и ниже, пока не попадет в две маленькие, испещренные глубокими морщинами, неказистые сферы, опутанные крепкой сетью из грубых волос, как нежные жители моря, угодившие в невод, искусно сплетенный какой-нибудь древней nereидой, из него им никогда, ни за что не выбраться, там они наполняются, наполняются, и однажды выплеснут свои потаенные сокровища, нет – станут метать их понемногу, аккуратно, часто, станет содрогаться тело, закатываться глаза, сжиматься зубы, и, через приоткрытые губы, прорвется мычание, какое ещё мычание? обычное, неясное, протяжное мычание быка, взбравшегося на корову, нет, не эти звуки, не их слышу я, слова, которые слышу (почти отчетливо) не имеют ничего общего ни с воем, ни с ревом, ни с мычанием, они понятны мне, я запоминаю их, запоминаю эти речи, не все, не все, потом, позже, записываю кое-что из них, кажется, я повторяюсь. Ничего-ничего, пускай, повторяюсь и ещё раз, не важно, как раз очень важно, потому и буду повторять, так сказать, для закрепления эффекта. Голос, который я слышу, говорит мне о том, что видит мое зрение. Возможно, это походило бы на обычное воровство, но зрение

безмолвно, оно просто фиксирует момент, оно не умеет рассуждать, анализировать, делать выводы, отстаивать их, Господь не дал глазу дара речи, глаз не запоминает, запоминает мозг. Значит, таинственный голос чудесным образом получает сведения, хранящиеся в мозгу? К чему исключать такую вероятность? Каким-то образом привороживает и тут же нагло выдает краденое за свои, оригинальные тексты. Стало быть, все-таки, в голове?! Похоже, похоже... Однако, может быть, он (таким хитрым образом) увиливает, изворачивается, прячет истинное свое местопребывание, как ловкий врубала-щелкун, вышедший на рыбалку. О, я раньше не думал об этом, но думаю (теперь думаю): да-да, слишком похоже на правду. Он всегда юлит, всегда пытается сбить с толку, не помню: он хоть раз отдавал привилегию одному уху, либо другому – он всегда звучит в обоих ушах сразу. Кто-то что-то говорит. Боюсь, он не один. Ладно, хорошо, но пока говорим об одном. Говорим о том, кто тревожит меня. О том, кто говорит везде, говорит всюду, говорит всегда. Даже если выдохнется, перестанет трещать – будто сорока, без умолку – его остановки, его паузы (перевести дыхание, отдохнуть от непрерывной болтовни), будут крайне коротки, будут длиться всего лишь секунду, нет – пять, или – ещё лучше – семь секунд. И такого результата вряд ли будет достаточно – краткое молчание одного голоса, поглотит нескончаемый гул остальных. Разве понять им, как благословенна тишина, если они даже не пробуют окунуться в её безмолвие? Сон не в счет, ибо там не отдаешь себе никакого отчета, равно как и не можешь знать: была ли на самом деле во сне тишина или была она частью сна. Попробуем вообразить, как все они, все, кто не в силах вовремя остановиться, вдруг замолчали разом на – те самые – семь секунд. Кажется: так мало, ничтожно мало, до крайности скудно, но! будут молчать все, всё, вся, и тогда эти семь молчаливых секунд обзаведутся недостижимой глубиной, и, наверное, приблизятся к непостижимому, вечному безмолвию космических пространств, где одна лишь мысль, мысль неизреченная, в силах потревожить сознание, как сейчас тайный голос проникает в мозг, в мой слабый, вечно подверженный грызущим сомнениям мозг, изготовленный и отданный мне, который толком не знает, как поступить с этим чудесным даром, как верно применить, каким образом использовать его и не испортить, не повредить. Тут не обойтись без поводыря! Да где его возьмешь? Не каждому подвернется случай, подобно Дуранте-флорентийцу. Вероятно, я не дорос пока до полноценного поводыря и для меня отрядили голос. Он вызывает ко мне? Почему бы ему не изливать свои речи кому-то иному? Исключить подобного нельзя. Да, полностью исключить нельзя. Вот тут есть сомнения. Сомнения, сомнения... они, как мелкие прожорливые червячки, грызут и грызут, пока вовсе не уничтожат волю или пока не избавишься от них, собрав в кулак подточенный, но крепкий ещё дух. Итак, откуда взяться сомнениям, будто он обращается ещё к кому-либо, а не только ко мне? Но зачем ему искать иную жертву, прятаться, маскироваться, увиливать, а потом внезапно наброситься, если он уже достиг своей цели? Аргумент кажется слабым по многим причинам: почему бы ему не прятаться, не маскироваться, не увиливать, отчего бы не искать иную жертву, а вдруг ему желается множество жертв? И кто знает его истинные цели? Если верить собственным ушам, он чрезвычайно изворотлив, гораздо на всякие (всякие!) хитрости. Вжимаю покрепче язык, стискиваю зубы – всё подтверждает: речь веду не я, голос принадлежит не мне. Кто-то иной говорит за меня. Стоит приоткрыть бесплодный мой

рот, как неизвестный голос тут же начинает свои речи, синхронизированные с беспрестанно открывающимися моими губами, но сам я нем, как рыба. Кажется, я упоминал (чуть не сказал: говорил) о записях, которые помогают мне избавиться от переполняющих меня речей? Опять ложь – никаких записей я не веду, он путает меня, говорит разные небывшие, в которые я вынужден верить. Впрочем, какие-то испещренные письменами листы вроде бы помню, или вновь голос убедил меня в том, чего никогда не было? Да, он умеет. Такие игры у него великолепно получаются: вкрадчиво, тихо, не останавливаясь ни на мгновение, говорить свои речи, не давая отвлечься, передохнуть, переключиться на иное, точно сладкоголосая кошка, выбранная глупым мышонком себе в няньки, но я никого не выбирал. Откуда взялся голос, как привязался ко мне, я уже не помню, только отвязаться он явно не желает. Хотелось бы, очень хотелось бы избавиться от него, но как? Выдворить прочь без всяких сожалений, разорвать всякую связь (какая ещё связь?), прекратить слушать его, изгнать, наконец. Разве можно изгнать то, что приходит по своей прихоти, а исчезает – когда пожелает? Он исчезает? Он когда-нибудь исчезал, оставлял меня в покое? Ночами? Я не знаю доподлинно, ночами я сплю и почти ничего не помню. Помню лишь сны. Смутно, обрывочно, путанно... Но и сны эти могут быть зрительными галлюцинациями, призраками того, что продолжает он нашептывать мне во тьме. По крайней мере, возразить сложно, очень сложно... Значит, никогда не оставлял меня? Пришел (давно, очень давно, не упомяну когда), занял чужое место, в полной уверенности: всегда станет говорить мне свои речи. И начал говорить, и говорил, и продолжает говорить их. Я устал. Устал от них, устал от него. Я желаю изменить подобное положение. Но как, как? Совладать с незримым, чужим, вездесущим голосом – подобно тому, как одержать победу над бесплотным духом, однако (если верить многим духовным практикам), такое возможно! Нужно всего-навсего понять, что ему противопоставить. Как выяснить? Неплохо бы разобраться, почему он так беспрепятственно, так нагло, многие, многие годы помышляет мною, отчего я безмолвствую. Вот так задачка! Постой-ка, постой-ка, что я? Безмолвствую? Ну, конечно, безмолвствую, и всегда безмолвствовал. Как же он ещё мог так провести, объегорить, надуть меня, если сам я, помалкивая в тряпочку, как воды в рот набрал? Вот так насмешка, вот и ответ, и заковырке всей вот она разгадка. Когда понятным становится причина того, что гнетет тебя, не пора ли освободиться от осточертевшего груза? Не пора ли сбросить надоевшую маску? После долгого безмолвия, после унижительного молчания, под нескончаемое словоблудие чужого, хищного шепота, мой, мой язык пускай проснётся в своем темном логове, в своем мягком саркофаге. Проснётся, потянется, напряжит размякшие мышцы, соберётся вымолвить, будет готов произнести, начнет говорить. Давай же, давай, встрепенись, юркий маленький комочек плоти, хватит уже спать, начинай, наконец, свое плаванье над иссохшим колодецем. Ощути, почувствуй, как разомкнутся-разлипнутся губы, и верхняя нехотя отдерется от нижней, а нижняя станет продолжать цепляться за верхнюю, но пещера рта продолжит, продолжит немолимо отворяться, расширяя и расширяя пространство перед бурлящей, клокочущей, необузданной, но моей, моей речью, и волны, там, в горле, понесут к неизвестному берегу звуки.